

УДК 34

DOI 10.25799/AR.2019.83.2.021

Процессуальная модель трансграничной несостоятельности в законодательстве России

Тарасевич Андрей Николаевич

Аспирант,
сектор гражданского права, гражданского и арбитражного процесса,
Институт государства и права Российской академии наук,
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, 10;
e-mail: tarasevichandrew@gmail.com

Аннотация

Существующая международная интеграция финансовых институтов, зависимость отечественной экономики от импорта оборудования и сырья, конъюнктурных колебаний международных рынков углеводородов, цикличность кризисных явлений глобальной экономики, увеличение трансграничных групп компаний и тенденции развития транснационального характера экономической деятельности определяют актуальность развития эффективной отечественной процессуальной модели трансграничной несостоятельности. Автор статьи анализирует существующие виды процессуальных моделей трансграничной несостоятельности, описанные в отечественной правовой доктрине, их образующие принципы и специфические черты. Рассматривается развитие российского законодательства о регулировании процедур банкротства, осложненных иностранным элементом. Проводится оценка соответствия развития нормативно-правового регулирования складывающимся правоотношениям в исследуемой сфере, выделяются наиболее проблемные области. Приводится анализ складывающейся правоприменительной практике российских судов. В заключении обобщаются выводы исследования и даются некоторые рекомендации по направлению дальнейших исследований.

Для цитирования в научных исследованиях

Тарасевич А.Н. Процессуальная модель трансграничной несостоятельности в законодательстве России // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 2А. С. 167-176.

Ключевые слова

Трансграничная несостоятельность, универсализм, территориальность, виртуальная территориальность, модифицированный универсализм.

Введение

Существующая международная интеграция финансовых институтов, зависимость отечественной экономики от импорта оборудования и сырья, конъюнктурных колебаний международных рынков углеводородов, цикличность кризисных явлений глобальной экономики, увеличение трансграничных групп компаний и тенденции развития транснационального характера экономической деятельности определяют актуальность развития эффективной отечественной процессуальной модели трансграничной несостоятельности.

Следует отметить, что наличие адекватного правового режима разрешения ситуаций несостоятельности (банкротства) является как фактором экономического развития, так и стимулом укрепления экономических отношений в виде предсказуемости последствий хозяйственной деятельности и стабильности гражданского оборота, что создает в том числе необходимый благоприятный инвестиционный климат.

Вышеуказанные обстоятельства детерминируют процесс гармонизации национальных производств по несостоятельности прежде всего в развитых странах на почве макроэкономической целесообразности [Рягузов, 2007, 5].

Основная часть

Под институтом трансграничной несостоятельности понимается система норм, регулирующих особенности проведения процедуры несостоятельности, осложненной иностранным элементом (имеющей в самом общем виде связь с несколькими правовыми порядками ввиду распространения на статус должника, кредиторов и активов банкрота правового режима различных юрисдикций) [Голунов, 205, 24-29].

В качестве приоритетной задачи производства по делам о трансграничной несостоятельности называется «избежание случайных предпочтений и достижение максимально справедливого распределения активов должника между кредиторами» [Кох, Магнус, Винклер фон Моренфельс, 2003, 306].

Специфика соответствующих процедур проявляется, но не исчерпывается участием в правоотношении иностранных по отношению друг к другу: кредиторов и должника, участников (учредителей) и самого должника; наличием имущества должника за рубежом; возбуждением производств по делу о несостоятельности в нескольких государствах [Файншмидт, Юрьева, 2008, 137-138].

Отметим, что, с начала XX века выработанная практика разрешения дел о банкротстве, осложненных иностранным элементом в различных региональных и национальных правовых порядках сформировала ряд процессуальных моделей рассмотрения соответствующих дел исходя из специфики национального права и степени участия в унификации и гармонизации законодательства о банкротстве, среди которых выделяются две узловые:

а) территориальная (основанная на принципе множественности производств (*principle of plurality*), где в каждом государстве возбуждаются независимые территориальные производства в отношении одного и того же субъекта (с эффектом *grab rule* (*правило захвата*)). Модель территориализма в чистом виде исходит из строгого ограничения процедуры банкротства территорией конкретного государства, *lex fori concursus* (*привязки о применимом национальном праве суда возбудившего дело*) [Torremans, 2001] и доктрины *separate entity doctrine* (*самостоятельности соответствующего филиала*), позволяющей кредиторам предъявлять

требования только в отношении активов лица в пределах государства возбуждения производства и как следствие возникновение феномена *race of creditors* (*гонки кредиторов*), и универсальная (единое производство и право) [Мохова, 2016, 25], где в чистом виде не предполагается возбуждение конкурирующих процедур или вспомогательных ликвидационных процессов. Данная модель исходит из принципа универсальности (*universality principle*), предполагающим что судебные акты по делу о банкротстве имеют экстерриториальный эффект, а все имущество банкрота включается в единую конкурсную массу, и принципа единства процедуры (*unity principle*), который подразумевает что только один суд *debtor's home country court* (*суд инкорпорации должника*) обладает юрисдикцией в отношении всех активов.

Как усматривается – ключевыми формирующими факторами оказываются подходы к решению вопроса о компетентном суде, применимом праве и экстерриториальных последствиях судебных актов по делу (связанных с проблемными вопросами доктрины суверенитета) [Рягузов, 2007, 2].

В чистом виде указанные модели существуют лишь концептуально. Указанные черты специфики отношений и принципы трансграничной состоятельности могут различным образом модифицироваться в процессуальной модели несостоятельности [Ибрагимов, 2017, 151-159].

Модифицированные модели в настоящее время считаются наиболее приемлемыми. Наиболее разработанными среди них выделяют территориализм, основанный на сотрудничестве [LoPucki, 2000] (в отличие от чистой модели территориализма предполагается сотрудничество судов через назначаемых агентов посредством *ad hoc protocols* (*мини-договоров*) для совместного определения судьбы конкурсной массы) и модифицированный универсализм (*modified universality*) предполагающей возможность открытия первичного производства исходя из критерия *SOMI* (*центра нахождения основных интересов должника*) в соответствующем государстве и вторичных производств, возбуждаемыми по месту нахождения локальных предприятий (*истеблишментов*) должника, что отчасти разрешает вопрос универсального эффекта банкротства и проблему защиты прав отечественных кредиторов [Pottow, 2006, 1].

В поисках баланса между существующими модификациями появился концепт так называемого «*виртуального территориализма*» как разновидности модифицированного универсализма, согласно которому суд основного места производства в отношении активов и кредиторов расположенных на территории иного государства будет применять его национальное право, что должно обеспечить приведение его в исполнение на территории соответствующей юрисдикции [Мохова, 2016, 137-149].

Отдельными исследователями процессуальные модели трансграничной несостоятельности именуются правовыми системами несостоятельности, среди которых выделяют: параллельную систему (территориализм, основанный на сотрудничестве); первичную систему (модифицированный универсализм); основную систему (универсализм) [Файншмидт, Юрьева, 2008, 138].

Говоря об отечественном правовом опыте, следует отметить, что по настоящее время Россия не последовала общемировой тенденции гармонизации и унификации процедур трансграничной несостоятельности. Российская Федерация так же не стала участником какого-либо международного договора по вопросам банкротства, а существующее нормативно-правовое регулирование носит фрагментарный характер.

Исследователями отмечается, что сложившаяся ситуация изживает себя ввиду довольно глубокой экономической интеграции и неизбежности столкновений с кризисными явлениями и

дефолтом трансграничного бизнеса, со всеми вытекающими в связи с этим затруднениями [Мохова, 2014, 62-73].

В настоящее время исследователями отмечается несоответствие развития действующего правового регулирования складывающимся общественным отношениям и существование масштабной правовой лакуны в регулировании соответствующих вопросов.

Так, в действующем Федеральном законе от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) имеется ряд разрозненных норм, в общем виде которые: фиксируют понятие «трансграничной несостоятельности» не определяя его содержание (ч. 3 ст. 29), закрепляют приоритет международных договоров и распространяют действие закона на иностранных кредиторов (ч. 5 ст.1, абз. 1 ч. 6 ст. 1), закрепляют принцип взаимности признания решений иностранных судов по делам о банкротстве (абз. 2 ч. 6 ст. 1), закладывают некоторые основы международного сотрудничества (абз. 8 ч. 9 ст. 26.1, абз. 7 ч. 3 ст. 29) и содержат ряд положений по некоторым процессуальным и частным вопросам (абз. 9 ч. 11 ст. 110, ч. 9 Ст. 189.40), предусматривая возможность привлечения к субсидиарной ответственности иностранных учредителей (ч. 2 ст. 61.22).

По нескольким частным вопросам имеются рекомендации высших судебных инстанций.

Среди наиболее острых вопросов регулирования исследователями отмечается: отсутствие коллизионных норм в разделе VI Гражданского кодекса РФ об определении права, применимого к вопросам несостоятельности, осложненной иностранным элементом, отсутствие правил трансграничной подсудности соответствующих дел и адекватного механизма приведения в исполнение иностранных судебных актов по делам о несостоятельности (банкротстве), о необходимости которого писал еще Г.Ф. Шершеневич [Мохова, 2018, 193].

Проект закона о трансграничной несостоятельности, разработанный Минэкономразвития на основании Типового закона ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности 1997 года так и остался только проектом [Шершеневич, 2000]. В пояснительной записке к нему указывалось, что его принятие «позволит упорядочить отношения в сфере несостоятельности, осложненной иностранным элементом, позволит более эффективно использовать потенциал реабилитационных процедур в деле о несостоятельности, а также распространить национальный режим рассмотрения дела о банкротстве на зарубежные активы российских компаний». Таким образом, Россия остается без адекватного правового инструментария без системного регулирования рассматриваемой сферы отношений.

Отечественному процессуальному правопорядку не известны основное и вторичное производства, «виртуальное вторичное» производство ни вопросы координации соответствующих производств.

В то же время, правоприменительная практика вынуждена сталкиваться с многочисленными вопросами оценки отношений несостоятельности, в которых проявляется юридическая связь с правопорядками различных юрисдикций. Суды при отсутствии прямых норм исходят из системного толкования национального законодательства и позиций, высказанных по конкретным спорам высшими судебными инстанциями.

Так, российские суды признали себя компетентными рассматривать дела о несостоятельности банкротстве иностранных лиц, если таковыми являются физические лица проживающие (проживавшие) в Российской Федерации. Для указанного вывода они руководствовались тесной связью возникших правоотношений с Россией (п. 1,3, 10 ч. 1 ст. 247 АПК РФ) и установленному Конституцией режиму пользования иностранных граждан правами наравне с гражданами (ч. 3 ст. 62 Конституции Российской Федерации, ст. 1196 ГК РФ). Однако

практика первоначально складывалась и совершенно противоположная. По своей сути суды расширили действие Закона о банкротстве преодолев формальный критерий гражданства, по сути, применив СОМІ стандарт (*центра основных интересов должника*) разработанный и активно используемый на Западе.

В отношении же иностранных юридических лиц суды пришли к выводу что по смыслу ч. 5 ст. 1 Закона о банкротстве правоотношения по банкротству иностранного юридического лица могут применяться только если такое иностранное лицо является кредитором в деле о банкротстве юридического лица, зарегистрированного на территории Российской Федерации и включенного в ЕГРЮЛ РФ (по месту инкорпорации компании). Такой взгляд отличается от подходов демонстрируемым к физическим иностранным лицам, проживающим в России и его нельзя назвать в полной мере отвечающим интересам Российской Федерации, с учетом существующих в иностранных государствах правовых механизмов возбуждения дел о банкротстве «псевдоиностранных» юридических лиц (чья регистрация за пределами государства является формальной при ведении постоянной экономической деятельности в ином государстве («офшорная деятельность») или возбуждения факультативного производства при банкротстве действительных иностранных компаний, имеющих имущество и кредиторов в Российской Федерации, что характерно для модели территориализма. Представляется необходимым использовать иностранный опыт для определения подсудности подобный тесту истеблишмента предприятия, разработанного в западной литературе (наличие в стране места операций, где должником осуществляется экономическая деятельность на постоянной основе). Рядом исследователей высказывается позиция согласно которой большая гибкость потребительского банкротства граждан нежели корпоративного позволит со временем выработать подходы, которые будут распространены на процедуры несостоятельности юридических лиц.

Следует отметить, что существуют примеры, когда иностранные суды признают российскую процедуру несостоятельности приоритетной (основным производством в условиях реализации модели модифицированного универсализма при отсутствии установления факта взаимности (руководствуясь понятием *comity, подразумевающим возможность признания приоритета с учетом международных обязательств и общественной пользы*), предоставляя необходимые средства судебной защиты на территории иностранного государства в поддержку основной процедуры банкротства, осуществляемой на территории России (например дело «Внешпромбанка») [Олевинский, 2017]. Так же в России существует однозначная практика относительно возможности привлечения к субсидиарной ответственности иностранных учредителей. В известном деле «Дальней степи» судом был привлечен к ответственности иностранный банк, как контролирующее должника лицо в сумме 1,2 млрд. рублей. Тем самым Россия является юрисдикцией, предусматривающей трансграничный характер судопроизводства по делам о банкротстве, вступая тем самым в конкурентную борьбу регулирования соответствующих правоотношений.

Необходимость преодоления правового вакуума коррелирует диапазоны возможного толкования судами норм, подтверждая наличие неопределенности регулирования. Так, по вопросу применимого права к квалификации правоотношений иностранного лица, в отношении которого приняты меры в рамках дела о несостоятельности иностранным судом — Президиумом ВАС РФ были отменены решения нижестоящих инстанций и для квалификации правоотношений по оспариванию зачета и использована отсутствующая в гражданском законодательстве России коллизонная норма *lex fori concursus (закон страны открытия*

производства) для разрешения спора исходя из норм права государства, в котором осуществляется процедура банкротства должника (дело банка СНОРАС). Тем самым отечественной судебной практикой признается экстерриториальное значение судебных актов по делам о несостоятельности.

Однако более глубокое исследование практики признания последствий возбуждения иностранных банкротств с учетом действующего правового регулирования выявляет неоднородность и противоречивость существующих позиций в части необходимости экзекватуры и возможности приведения в исполнение не конечных судебных актов. Существующая судебная практика преимущественно руководствуется трактовкой принципа взаимности закрепленного в абз. 2 ч. 6 ст. 1 Закона о банкротстве на началах территориализма, предполагая необходимость доказывания исполнения отечественных судебных актов по конкретной категории споров на территории иностранного государства, что обоснованно критикуется в научной литературе [Тарасевич, 2019]. В то же время существуют примеры более широких подходов к вопросу приведения в исполнение иностранных решений, скорее относимых к простой позитивной взаимности. Таким образом, следует сделать вывод о неоднородности подходов правоприменителя.

Заключение

Проведенное исследование судебной практики демонстрирует, что российские суды сталкиваются с вопросами признания иностранных банкротств и обеспечения их трансграничного эффекта, защиты прав отечественных кредиторов при трансграничном банкротстве должника, вопросами применения иностранного права о несостоятельности, недопущения обхода иностранной юрисдикции в деле о банкротстве через российскую. Существующая правовая неопределенность связана с отставанием нормативно-правового регулирования рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве), осложненных иностранным элементом от развития отношений в этой сфере. Юрисдикционные барьеры ведения дел иностранных должников в совокупности с отсутствием адекватного механизма признания иностранных банкротств могут привести к возможности того, что Россия станет местом недобросовестного вывода активов.

Отечественная процессуальная модель трансграничной несостоятельности остается слабо развитой и не имеет системного регулирования. Фактически складывающаяся судебная практика и развивающаяся отечественная доктрина находятся в поиске баланса между существующими модификациями процессуальных моделей трансграничной несостоятельности в условиях правового вакуума. Собранный эмпирический материал не позволяет утверждать установление критерия предсказуемости отечественных судебных актов в области трансграничных отношений. Национальная модель трансграничной несостоятельности в настоящее время находится в состоянии начала формирования и ее отнесение к той или иной модификации представляется преждевременной.

Отсутствие надлежащего регулирования не исключает Россию из отношений трансграничной несостоятельности и не уменьшает значение возникающих в связи с этим вопросов правоприменения, от неопределенности которых страдает инвестиционная привлекательность, степень защищенности отечественных кредиторов и предпринимателей.

На данном этапе можно утверждать о назревшем вопросе гармонизации национального законодательства в сфере трансграничной несостоятельности. Для преодоления указанных вопросов видится необходимым изучение зарубежного опыта, где соответствующие институты

получили свое развитие с целью выявления сильных и слабых сторон и учета данных исследований при разработке законопроекта, регулирующего трансграничную несостоятельность. Перспективным представляется использовать опыт гармонизации трансграничного законодательства в Европейском союзе и стран, принявших законы на основании модельного закона о трансграничной несостоятельности ЮНСИТРАЛ. Региональная гармонизация представляется перспективной при формировании единых подходов на уровне Евразийского экономического союза.

Библиография

1. Голунов С. Трансграничная несостоятельность: вызовы для российской практики // *Legal insight*. 2018. № 2 (38). С. 24-29.
2. Ибрагимов А.Ф. Трансграничное банкротство: на пути к формированию единых подходов и механизмов правового регулирования // *Актуальные проблемы российского права*. 2017. № 11. С. 151-159.
3. Информационное письмо ВАС РФ от 22.12.2005 № 96 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов».
4. Кох Г., Магнус У., Винклер фон Моренфельс П. *Международное частное право и сравнительное правоведение*. М., 2003. С. 306.
5. Мохова Е.В. Компетентный суд и применимое право при привлечении директора должника к ответственности в трансграничном банкротстве // *Закон*. 2018. № 7. С. 86-106.
6. Мохова Е.В. Трансграничное банкротство: российские правовые реалии и перспективы // *Закон*. 2014. № 6. С. 62-73.
7. Мохова Е.В. Трансграничные банкротства: вопросов больше, чем ответов // Тематическое приложение к журналу «*Legal Insight*». 2016. С. 25.
8. Мохова Е.В. Трансграничные банкротства за рубежом и в России: в поисках баланса между универсализмом и территориальностью // *Закон*. 2016. № 5. С. 137-149.
9. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.12.2017) // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2018. № 12.
10. Олевинский Э. Правовые проблемы судебной реструктуризации долгов граждан // *Банковское обозрение*. Приложение «БанкНадзор». 2017. № 2. С. 62-65.
11. Определение АС Брянской области от 14.01.2016 по делу № А09-14352/2014.
12. Определение АС г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 21.01.2016 по делу № А56-42444/2015.
13. Определение Верховного Суда РФ от 10.10.2016 № 307-ЭС16-12310 по делу № А56-71378/2015.
14. Определение Верховного суда РФ от 12.01.2018 №301-ЭС17-201197.
15. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 6 августа 2018 года № 308-ЭС17-6757 (2, 3) по делу № А22-941/2006.
16. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 29.01.2018 № Ф10-4761/2017 по делу № А84-1209/2017.
17. Постановление АС Северо-Западного округа от 10.12.2018 по делу А56-71378/2015.
18. Постановление Президиума ВАС РФ от 12.11.2013 № 10508/13 по делу № А40-108528/12-50-1134.
19. Проект федерального закона о трансграничной несостоятельности (банкротстве).
20. Рягузов А.А. Методы регулирования трансграничной несостоятельности // *Международное публичное и частное право*. 2007. № 3. С. 2.
21. Рягузов А.А. Трансграничная несостоятельность – институт международного частного права // *Международное публичное и частное право*. 2007. № 4. С. 5.
22. Тарасевич А.Н. Принцип взаимности международного гражданского (арбитражного) процесса в процедурах несостоятельности (банкротства) в России // *Юридическая наука*. 2019. №2. С. 83-90.
23. Уведомление о вынесении судебного приказа по итогам рассмотрения подтвержденной Петиции ООО «Внешпромбанк» по главе 15 согласно Кодексу США о банкротстве.
24. Файншмидт Е.А., Юрьева Т.В. *Зарубежная практика антикризисного управления*. М., 2008. С. 137-138.
25. Шершеневич Г.Ф. *Конкурсный процесс*. М., 2000. С. 193.
26. LoPucki L.M. The Case for Cooperative Territoriality in International Bankruptcy // *Michigan Law Review*. 2000. Vol. 98. P. 742.
27. Pottow J. Procedural Incrementalism: A Model for International Bankruptcy // *Virginia Journal of International Law*. 2006. Vol. 45:4. P. 1.
28. Torremans P. Cross-Border Insolvencies in EU, English and Belgian Law // *Kluwer Law International*. 2001. P. 3.

Procedural model of cross-border insolvency in legislation of Russia

Andrei N. Tarasevich

Postgraduate,
Sector of Civil law, civil and arbitration process,
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
119019, 10, Znamenka st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: tarasevichandrew@gmail.com

Abstract

The existing international integration of financial institutions, the dependence of the domestic economy on imports of equipment and raw materials, market fluctuations in international hydrocarbon markets, the cyclical nature of the crisis of the global economy, the increase in cross-border groups of companies and the development trend of the transnational nature of economic activity determine the development of an effective domestic procedural model of cross-border insolvency. The author of the article analyzes the existing types of procedural models of cross-border insolvency described in the domestic legal doctrine, their forming principles and specific features. The development of Russian legislation on the regulation of bankruptcy procedures complicated by a foreign element is considered. An assessment of the compliance of the development of legal regulation with the emerging legal relations in the sphere under study is conducted, the most problematic areas are highlighted. An analysis of the emerging law enforcement practice of Russian courts is given. The conclusion summarizes the findings of the study and provides some recommendations for the direction of further research. It seems promising to use the experience of harmonization of cross-border legislation in the European Union and countries that have passed laws on the basis of the UNCITRAL model law on cross-border insolvency. Regional harmonization seems promising when forming common approaches at the level of the Eurasian Economic Union.

For citation

Tarasevich A.N. (2019) Protsessual'naya model' transgranichnoy nesostoyatel'nosti v zakonodatel'stve Rossii [Procedural model of cross-border insolvency in legislation of Russia]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 9 (2A), pp. 167-176.

Keywords

Cross-border insolvency, universalism, territoriality, virtual territoriality, modified universalism.

References

1. Fainshmidt E.A., Yur'eva T.V. (2008) *Zarubezhnaya praktika antikrizisnogo upravleniya* [Foreign practice of crisis management]. Moscow.
2. Golunov S. (2018) Transgranichnaya nesostoyatel'nost': vyzovy dlya rossiiskoi praktiki [Cross-Border Insolvency: Challenges for Russian Practice]. *Legal insight*, 2 (38), pp. 24-29.
3. Ibragimov A.F. (2017) Transgranichnoe bankrotstvo: na puti k formirovaniyu edinykh podkhodov i mekhanizmov pravovogo regulirovaniya [Cross-border bankruptcy: on the way to the formation of common approaches and

Andrei N. Tarasevich

- mechanisms of legal regulation]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual problems of Russian law], 11, pp. 151-159.
4. *Informatsionnoe pis'mo VAS RF ot 22.12.2005 № 96 «Obzor praktiki rassmotreniya arbitrazhnymi sudami del o priznanii i privedenii v ispolnenie reshenii inostrannykh sudov, ob osparivanii reshenii treteiskikh sudov i o vydache ispolnitel'nykh listov na prinuditel'noe ispolnenie reshenii treteiskikh sudov»* [Informational letter of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 96 dated December 22, 2005 “Review of the practice of arbitration courts reviewing cases on recognition and enforcement of foreign judgments, challenging decisions of arbitral tribunals and issuing writ of execution for enforcement of decisions of arbitral tribunals”].
 5. Koch G., Magnus U., Winkler von Morenfels P. (2003) *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo i sravnitel'noe pravovedenie* [Private international law and comparative law]. Moscow.
 6. LoPucki L.M. (2000) The Case for Cooperative Territoriality in International Bankruptcy. *Michigan Law Review*, 98, p. 742.
 7. Mokhova E.V. (2018) Kompetentnyi sud i primenimoe pravo pri privlechenii direktora dolzhnika k otvetstvennosti v transgranichnom bankrotstve [Competent court and the applicable law in bringing the debtor's director to liability in cross-border bankruptcy]. *Zakon* [Law], 7, pp. 86-106.
 8. Mokhova E.V. (2014) Transgranichnoe bankrotstvo: rossiiskie pravovye realii i perspektivy [Cross-border bankruptcy: Russian legal realities and prospects]. *Zakon* [Law], 6, pp. 62-73.
 9. Mokhova E.V. (2016) Transgranichnye bankrotstva: voprosov bol'she, chem otvetov [Cross-border bankruptcies: there are more questions than answers]. *Tematicheskoe prilozhenie k zhurnalu «Legal Insight»* [Thematic supplement to the journal “Legal Insight”], p. 25.
 10. Mokhova E.V. (2016) Transgranichnye bankrotstva za rubezhom i v Rossii: v poiskakh balansa mezhdru universalizmom i territorial'nost'yu [Cross-border bankruptcies abroad and in Russia: in search of a balance between universalism and territoriality]. *Zakon* [Law], 5, pp. 137-149.
 11. (2018) *Obzor sudebnoi praktiki Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii № 5 (2017) (utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 27.12.2017)* [Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5 (2017) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 12/27/2017)]. In: *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 12.
 12. Olevinskii E. (2017) Pravovye problemy sudebnoi restrukturalizatsii dolgov grazhdan [Legal problems of judicial restructuring of citizens' debts]. *Bankovskoe obozrenie. Prilozhenie «BankNadzor»* [Bank review. Appendix: BankNadzor], 2, pp. 62-65.
 13. *Opredelenie AS Bryanskoj oblasti ot 14.01.2016 po delu № A09-14352/2014* [Determination of the AC of the Bryansk region of January 14, 2016 in case No. A09-14352 / 2014].
 14. *Opredelenie AS g. Sankt-Peterburga i Leningradskoj oblasti ot 21.01.2016 po delu № A56-42444/2015* [Determination of the AC of St. Petersburg and the Leningrad Region of January 21, 2016, in relation to case No. A56-42444 / 2015].
 15. *Opredelenie Sudebnoi kollegii po ekonomicheskim sporam Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 6 avgusta 2018 goda № 308-ES17-6757 (2, 3) po delu № A22-941/2006* [Determination of the Judicial Panel on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of August 6, 2018 No. 308-ЭС17-6757 (2, 3) in case No. A22-941 / 2006].
 16. *Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 10.10.2016 № 307-ES16-12310 po delu № A56-71378/2015* [Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.10.2016 No. 307-ES16-12310 in case No. A56-71378 / 2015].
 17. *Opredelenie Verkhovnogo suda RF ot 12.01.2018 №301-ES17-201197* [Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of 12.01.2018 № 301-ЭС17-201197].
 18. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Tsentral'nogo okruga ot 29.01.2018 № F10-4761/2017 po delu № A84-1209/2017* [Resolution of the Arbitration Court of the Central District of January 29, 2017 No. F10-4761 / 2017 in case No. A84-1209 / 2017].
 19. *Postanovlenie AS Severo-Zapadnogo okruga ot 10.12.2018 po delu A56-71378/2015* [Resolution of the AU of the North-West District of December 10, 2018, in case A56-71378 / 2015].
 20. *Postanovlenie Prezidiuma VAS RF ot 12.11.2013 № 10508/13 po delu № A40-108528/12-50-1134* [Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 12.11.2013 No. 10508/13 in case No. A40-108528 / 12-50-1134].
 21. Pottow J. (2006) Procedural Incrementalism: A Model for International Bankruptcy. *Virginia Journal of International Law*, 45:4, p. 1.
 22. *Proekt federal'nogo zakona o transgranichnoi nesostoyatel'nosti (bankrotstve)* [Draft federal law on cross-border insolvency (bankruptcy)].
 23. Ryaguzov A.A. (2007) Metody regulirovaniya transgranichnoi nesostoyatel'nosti [Methods of regulating cross-border insolvency]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe parvo* [International public and private law], 3, p. 2.
 24. Ryaguzov A.A. (2007) Transgranichnaya nesostoyatel'nost' – institut mezhdunarodnogo chastnogo prava [Cross-Border Insolvency – Institute of Private International Law]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe parvo* [International Public and Private Law], 4, p. 5.
 25. Shershenevich G.F. (2000) *Konkursnyi protsess* [Competitive process]. Moscow.

26. Tarasevich A.N. (2019) Printsip vzaimnosti mezhdunarodnogo grazhdanskogo (arbitrazhnogo) protsesssa v protsedurakh nesostoyatel'nosti (bankrotstva) v Rossii [The principle of reciprocity of the international civil (arbitration) process in insolvency (bankruptcy) procedures in Russia]. *Yuridicheskaya nauka* [Legal science], 2, pp. 83-90.
27. Torremans P. (2001) Cross-Border Insolvencies in EU, English and Belgian Law. *Kluwer Law International*, p. 3.
28. *Uvedomlenie o vnesenii sudebnogo prikaza po itogam rassmotreniya podtverzhdennoi Petitsii OOO «Vneshprombank» po glave 15 soglasno Kodeksu SShA o bankrotstve* [Notice of a court order following the review of a confirmed Petition of Vneshprombank LLC under Chapter 15 of the US Bankruptcy Code].